

Л. Н.
АНДРЕЕВ

Избранное

Леонид Николаевич Андреев
Кающийся
Серия «Сатирические
миниатюры для сцены»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2805575

Аннотация

«Действующих лиц двое: купец Краснобрюхов, кающийся, – и лицо со служебным положением. Есть еще некто Гавриленко, который привел кающегося, и другие живые механизмы, которые его выводят.

Канцелярия: нечто вроде фабрики на ходу. Лицо со служебным положением отрывисто лаает, удивляется и гневается по телефону. Гавриленко, почтительно держа всего двумя пальцами, вводит купца Краснобрюхова, толстого, здорового, рыжебородого старика, вспотевшего от волнения. Шапки на нем нет, одежда в некотором подозрительном беспорядке, несмотря на явную почтительность Гавриленки...»

Леонид Николаевич Андреев Кающийся

Представление в одном действии

Действующих лиц двое: купец Краснобрюхов, кающийся, – и лицо со служебным положением. Есть еще некто Гавриленко, который привел кающегося, и другие живые механизмы, которые его выводят.

Канцелярия: нечто вроде фабрики на ходу. Лицо со служебным положением отрывисто лает, удивляется и гневается по телефону. Гавриленко, почтительно держа всего двумя пальцами, вводит купца Краснобрюхова, толстого, здорового, рыжебородого старика, вспотевшего от волнения. Шапки на нем нет, одежда в некотором подозрительном беспорядке, несмотря на явную почтительность Гавриленки.

Лицо (у телефона). Кто? Кого? Почему? Да, конечно, слышу, если говорю... зарезанный? Ага! Да, да, двое... Да слышу же я. Что такое? На какой почве? – Ну? – Ничего не понимаю. Кто убежал – раненый убежал? Что вы городите: куда раненый побежал?

Гавриленко. Ваше благородие, как я привел...

Лицо. Не мешать! Ага: один убежал, другого везут... А убийцы? – что, тоже убежали – послушайте, вы мне вашей почвой очков не втирайте – что такое? – Ничего не понимаю. – Если вы хотите докладывать, вы слышите, то и докладывайте, а не свистите носом, я вам не кларнет! – Что, какая музыка? – это я кларнет – вы слышите? Алло! А, чтоб тебя черт. Алло!

Вешает трубку, мельком сердито оглядывает Краснобрюхова и садится.

Ну? Чего там?

Гавриленко. Как, ваше благородие, позвольте доложить, они задерживали движение экипажей, стамши по середки площади, где езда, говоримши, что как они купец и как они убимши, я их взявши...

Лицо. Пьяный? Ишь, борода, напился – в приемной!

Гавриленко. Никак нет, ваше благородие, окончательно тверезый, а только как они стамши по середки площади, где езда, и говоримый, так что, ваше благородие, никакого движения экипажей. И трамвай стамши... народ собрамши, кричат голосом: убил я, православные, каюсь! Как я их взявши, так что: совесть замучила, ваше благородие!

Лицо. Так бы сразу и говорил, тетеря! Вы что?.. Пусти его, Гавриленко, чего вцепился... Вы кто?

Краснобрюхов. Купец Прокофий Карпович Краснобрюхов. *(Становится на колени, другим, покаянным голосом.)* Каюсь, православные, берите меня, вяжите меня: человека я убил!

Лицо *(вставая)*. А! Так вот ты как!

Краснобрюхов. Каюсь, православные, желаю принять искупление грехов. Не могу больше! Берите меня, вяжите меня – человека я убил! Злодей я непокаянный, изверг естества! Человечка я зарезал! *(Кланяется в землю.)*

Гавриленко. Вот так они и орамши, ваше благородие, по самой по середки, где езда.

Лицо. Молчать! Встань! Рассказывать толком. Кого убил?

Краснобрюхов *(тяжело вставая, бьет себя в грудь)*. Я убил. Желаю искупления грехов, больше не могу, нет моего терпения. Совесть замучила, православные! На, брей!

Лицо. Что брей?

Краснобрюхов. Голову брей, кандалы давай: желаю искупиться. *(Громко плача.)* Человека я зарезал, простите, православные!..

Опять валится на колени и кланяется земно.

Лицо. Встать! Говорить толком!

Гавриленко. Вот так они, ваше благородие, стамши по самой середки и орамши.

Лицо. Молчать! Эй, послушайте, как вас: это не ваша корзина?

Краснобрюхов (*встав и вытирая пот и слезы*). Какая корзина? Никакой корзины я не знаю. Овощью мы торговали. Эх, Господи! Что уж: овощью мы торговали.

Лицо. Какая корзина? Теперь не знаешь? А как запрятывать в корзину, знаешь? А как по железной дороге трупы отправлять, знаешь?

Краснобрюхов. Никакой корзины я не знаю. Водички бы мне. (*Гавриленке.*) Дай-ка, милый, водички, охрип я (*густо вздыхает*). Эх!

Лицо. Не давать! А какая корзина, не знаешь? Гавриленко, сколько у нас корзин?

Гавриленко. Четыре корзины, ваше благородие, да один чемуданчик. Три корзины распечатавши, ваше благородие, а четвертую никак не успевши.

Лицо (*кутцу*). Слышал?

Краснобрюхов (*вздыхая*). Никакой корзины не знаю.

Лицо. А где же твой?

Краснобрюхов. Кто мой?

Лицо. А я почем знаю, кто твой, кого ты там зарезал, удушил, убил. Труп где?

Краснобрюхов. Труп-то? Да уж истлел поди. (*Снова валится на колени.*) Православные: каюсь я, человечка я зарезал, Господи! В землю его закопал. Думал я, православные, народ обмануть, а видно, не обманешь его: совесть меня за-

мучила. Ни сна, ни покою, одно мученье-мученьское, свету я в глазах лишился. Желая искупиться – на, брей!

Лицо. Встать! Говорить толком!

Краснобрюхов (*вставая и вытирая пот*). Я толком и говорю: ну, думаю, пройдет времячко, авось и забуду, радостями какими развлекусь, на помин души свечечку поставлю, ан не тут-то было: замучился сверх естественно, всякого покою лишился! И что ни год, то все тяжелее: нет, думаю, потерплю еще, авось пройдет, авось забудется. Каюсь, православные! Имущества я жалел, овощью мы торгуем, детей, жены стыдился; как же это вдруг, что же это такое: был человек, а вдруг злодей, смертоубивец, изверг естества!

Лицо. Толком говорите!

Краснобрюхов. Я толком и говорю: плачу ночью-то, разливаюсь, а жена и говорит: чем плакать-то да подушки мочить, пошел бы ты, Карпыч, да и покайся, народу православному земно преклонился, мучение принял. И что тебе, говорит, ты уж старый и на каторге проживешь, а мы за тебя помолимся – иди, говорит, Карпыч, не моргай. Плакали мы с ней, плакали, а все решиться не можем: жалко, страшно, православные! Как это посмотришь округ себя, овощью мы торгуем, морковкою всякою, капусткой, лучком... (*плачет*). А она все решает, все решает: иди, Карпыч, не моргай, попей чайку, побалуйся да иди, несчастненький, преклонись. Раз уж и пошел было, рубашку она на меня чистую надела, чаем с медком попоила, волосы мне сама рукой пречистой

своей причесала – да не осилил! Ослаб! Дух потерял! До самой этой площади уж дошел и как раз на середку вышел, а тут трамвай – я в трактир и повернул. Каюсь, миленькие: за-место честного покаяния три дня и три ночи стойку трак-тирную лошил, полбуфета вылакал: что значит совесть-то, и куда только лилось!

Лицо. Да, что, брат, вот оно, совесть! Но приятно, при-ятно наконец приветствовать... Гавриленко, слышишь?

Гавриленко. Вот так они и орамши, ваше благородие...

Лицо. Молчать! Ну! Продолжай, мой друг.

Краснобрюхов. Какой я друг, недруг я человеческий, изверг естества. Бери меня, вяжи меня, человечка я зарезал, к злодеям сопричислился! Вот он я, бери! Вяжи! Брей!

Лицо. Так, так, приятно приветствовать!.. Гавриленко, не помнишь такого случая относительно убийства? Какие у нас есть?

Гавриленко. Не могу помнить, ваше благородие.

Краснобрюхов. Вяжи!

Лицо. Так, так, я понимаю твое благородное нетерпение, но... А когда это было, человечка-то? Конечно, мы все зна-ем, но столько случаев вообще... Видал корзину одних сколь-ко, точно багажная станция! – и вообще... Кого ты и когда, одним еловом, мой друг?

Краснобрюхов. Когда? Да уж двадцать один год минул, да еще с привеском поди. А то и двадцать два считай, не ошибешься.

Лицо. Двадцать два? Так что же ты?

Краснобрюхов. Думал оттерпеться, говорю. А какое тут терпение: что ни год, то тяжеле, что ни день, то горше. То хоть явлений не было, а то и явления начались: вчистую приперло. Каюсь, православные, убил!

Лицо. Но, позвольте... двадцать два. Вы какой гильдии?

Краснобрюхов. Первой. Оптом мы торгуем.

Лицо. Так, так. Гавриленко, подать стул. Прошу садиться.

Краснобрюхов. Водички бы мне, охрип я.

Лицо. А чаю-то с медком опять попили, чудак!

Краснобрюхов. Попил, как же, попил.

Лицо. Гавриленко, два стакана чаю: один покрепче... небось жиденский пьете? Имя, отчество?

Краснобрюхов. Прокофий Карпович Краснобрюхов. Когда же, ваше благородие, вязать?

Лицо. Садитесь. Так-то, Прокофий Карпыч, – это не ваша торговля на углу?., знаете, еще такая вывеска – удивительная вывеска. Искусство! И до чего теперь эти вывески хорошо пишут, знаете, я прямо удивляюсь. Мне знакомые говорят, отчего вы, Павел Петрович, не пройдетесь в картинные галереи, там Эрмитаж и вообще... но я отвечаю – зачем? У меня весь квартал – одна картинная галерея, хе-хе! Ну, а медку у нас не водится, хе, уж извините. Канцелярия!

Краснобрюхов. Какой уж тут мед! Детям я торговлю передал, пусть торгуют. Когда же, ваше благородие, вязать-то будете? Поскорей бы, замаялся я.

Лицо. Вязать? Гавриленко, пошел вон! И раз почтенное лицо на площади, то можешь поделикатнее. Шапка ихняя где?

Гавриленко. Там и осталась, публика ногами затоптавши. Да они, ваше благородие, голосом орамши...

Лицо. Пошел вон! Вот народ, извольте, попробуйте с ним провести начало, так сказать, законности-с! Надоели, как горькая редька! Знакомые и то говорят: и что это такое, Павел Петрович, слова от вас толком не услышишь – а какой тут может быть толк! Разве я бы не рад – только о том и мечтаю, чтобы светский разговор, мало ли чего на свете! Война, крест на св. Софии и вообще... дипломатия!

Краснобрюхов. Уж вязали бы поскорей! Не мучали бы.

Лицо. Вязать? Чистейшее недоразумение, Прокофий Карпыч, чистейшее недоразумение. Но от чего ж вы чайку? Ваше благородное волнение делает вам честь и вообще приятно приветствовать, но – давность! Изволили забыть: давность. Надеюсь, не родителей изволили зарезать?

Краснобрюхов. Ну, ну, родителей. Девуцу одну, в лесочку, да там же и закопал.

Лицо. Ну вот видите: я и сразу понял, что не родителей, сразу видно человека! Вот если бы родителей изволили, ну там отца или мать, тогда действительно печально: на родителей давности нет. А за девуцу и вообще всякие уголовные преступления, убийства там и вообще покрываются десятилетней давностью. Как же-с, как же-с, изволили не знать? Ко-

нечно, нужно будет там кое-какое расследование, подтверждение, но это пустяки, не стоит и волноваться. Торгуйте себе овощью, а мы ваши покупатели... Ну что же чайку?

Краснобрюхов. Какой уж тут чай? Тут уголья под ногами, а не чай.

Лицо. Напрасно мучились! Напрасно мучились! Но, конечно, незнание законов. Вот вам бы вместо жены да к адвокату и пойти, адвокат бы...

Краснобрюхов (*падает на колени*). Вяжите, не мучайте!

Лицо. Ну, ну, встаньте же, наконец! Нельзя же, наконец, вязать, чудак! Если всех таких вязать, так и веревок не хватит! Ступайте себе и... адрес ваш мы знаем...

Краснобрюхов. Да куда ж я пойду? Я пришел. Вяжали бы уж, ей-Богу, ну зачем эти слова? Веревок, говорите, нету, ну и зачем такая насмешка. Я по чистой моей совести, а вы издеваетесь... (*вздыхнув*). Но, конечно, заслужил я. Смирюсь. Вяжи! Бей! Издевайся надо мною, народ православный! Тычь пальцем в старую харю, не жалея бороды моей холеной: изверг я!

Снова валится на колени.

Лицо (*с некоторый нетерпением*). Но позвольте, это уж слишком. Встать! Вам говорят, чтоб вы домой шли, некогда мне с вами, домой!

Краснобрюхов (*не вставая*). Нету у меня дома, право-

славные, нету у меня пристанища, окромя каторги! Вяжи меня! (*Орет.*) Брей!!

Лицо (*также орет*). Да что я тебе, парикмахер? Встать!

Краснобрюхов. Не встану! Каюсь я, и должен ты меня уважить: совесть меня замучила! Не хочу я твоего чаю: вяжи меня, на руки, крути лопатки. Брей!

Лицо. Гавриленко! Скажи как разорался тут, а? С совестью своей, а? Есть мне с тобою время... Гавриленко, поднять!

Гавриленко старается поднять купца, тот сопротивляется.

Гавриленко (*бормочет*). Вот так-то они и орамши... Его не подымешь, ваше благородие, упирается.

Лицо. А, упирается? Петрученко! Сидоренко! Ющенко – поднять.

Означенные поднимают упирающегося купца, пока лицо продолжает гневаться.

Нет, скажите: прямо на площадь прет, движение экипажей задерживает, я тебе задержу! Я тебе покажу, я тебе поору в присутственном месте!

Краснобрюхов. Не смеешь так. Вяжи – а то жаловаться буду! Ни на кого не посмотрю! До самого министра дойду!

Поиздевался и буде! Православные, братцы, человечка я зарезал. Совесть замучила! Каюсь!

Лицо. Совесть? – скажите, обрадовался! А где ж ты раньше был, ты чего раньше не приходил с твоей совестью? А теперь прямо на площадь прешь, беспорядок делаешь – ты чего раньше не шел?

Краснобрюхов. Оттого и не шел, что не домучился еще. Вот домучился, оттого и пришел! Не смеешь ты мне отказывать!

Лицо. Не домучился! Нет, скажите, какое издевательство. Тут их ищут, тут их разыскивают, одних корзин пять штук, собак для них завели – так вот нет: спрячется, подлец, и сидит, и ни гу-гу, и как будто его и нет! А теперь прямо на площадь: совесть, вяжите меня – какая цаца! Тут с очередными голову потеряешь, вздохнуть некогда, а он еще со своей девицей? Вон! Уходи!

Краснобрюхов. Не пойду. Не смеешь выгонять! Я уж с женой попрощался – не пойду.

Лицо. Ну и поздороваешься: скажите пожалуйста, с женой попрощался, чай с медом пил, рубашку чистую надел, цаца какая! Небойсь стаканов двадцать выдул, пока пузо налил, а теперь извольте!.. Вон!

Краснобрюхов. А ты видал, как я его пил? Может, там-то чаю всего наполовину, а наполовину-то слезы моей горькой! Не пойду вон! Каторгу мне давай, кандалы желаю – брей!

Лицо. Нет тебе каторги. Скажите пожалуйста, каторги захотел! Ну и нанимай себе... комнату на каторге, квартиру с мебелью, а у нас нет для тебя каторги.

Краснобрюхов. Нет, ты мне дашь! Не уйду без каторги – последний мой сказ. Православные, мучения *к* хочу, каторгу мне на двадцать лет за злодейство мое. К злодеям сопричислился, человечка я убил.

Лицо. Нету тебе каторги, слышал? Раньше бы приходил, а теперь нету тебе каторги! Скажите пожалуйста: тут для настоящих каторги не хватает, а он еще со своей совестью: замучился, подлец! Ну и мучайся – нет тебе каторги.

Краснобрюхов. Не дашь?

Лицо. Не дам.

Краснобрюхов. Нет, ты меня обреешь!

Лицо. Сам брейся!

Краснобрюхов. Нет, ты меня обреешь. *(Старается стать на колени, поджимает под себя ноги, но вышеозначенные держат его на весу.)* Православные, смилуйтесь, вяжите меня, да неужто ж обрывочка не найдется, хоть мочалкой вяжи, я не развяжусь, православные. Совесть меня замучила. Хоть обрывочком, хоть мочалочкой! Эх, каторга матушка, – да неужто ж местечка не найдется, ваше благородие? Много ли мне надо, ваше благородие, православные. Окажите милость божескую, да скрутите ж вы меня, голову мою седую обрейте! Эх, Владимирка, дорожка, мать ты моя родная, дай хоть по краюшку пройти, пылью твоею опылить-

ся, в слезе твоей вековой души нечистую омыть. Эх тузик бубновый, каторжный, палачушко-братушко, клещи огневые родненькие, клеймо каиново ужасное!

Лицо. Гавриленко! Вывести его! Сидоренко, помоги!

Краснобрюхов (*утираясь*). Не пойду! Волоком волоки, так не пойду! – Ты меня обреешь.

Лицо. Ющенко, поддержи! Ты у меня пойдешь!

Краснобрюхов (*барахтаясь*). Ты меня обреешь! Жаловаться буду! Не смеешь!

Лицо. Гавриленко – выноси!

Гавриленко. За ногу, да за ногу! Хватай под мышки!

Краснобрюхов (*барахтаясь*). Не вынесешь!

Лицо. Выноси!

Купца почтительно выносят. Лицо оправляет усы и берет стакан чаю, но он оказывается холодным.

Василенко! Чаю горячего! Черт знает что... Чаю горячего! Да... Раненого привезли?

Василенко. Они уже умерли, ваше благородие, так что охолодавши.

Лицо. Пошел вон!

Занавес